ДВѢ СТАТЬИ ІЕРОДІАКОНА ФИЛАРЕТА.

1.

О КЛЯТВАХЪ СОБОРА 1667 ГОДА

И

О ПОЛЕМИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ.

2.

О БРАДОБРИТІИ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°).
на Страстномъ бульварѣ.
1871.

Печатать позволяется. Москва, мая 28 дня 1871 года.
Цензоръ Протоіерей *С. Зерновъ*.

О КЛЯТВАХЪ СОБОРА 1667 ГОДА И О ПОЛЕМИЧЕСКИХЪ КНИГАХЪ.

Многіе изъ глаголемыхъ старообрядцевъ спрашиваютъ насъ, какого мы мнѣнія о клятвахъ собора 1667 года, и о полемическихъ книгахъ, составленыхъ противъ раскола, утверждая съ своей стороны, что помянутыя клятвы будто бы положены прямо на старые обряды, а не на тѣхъ, которые изъ-за обрядовъ отдѣляются отъ св. церкви, и что въ полемическихъ книгахъ находятся жестокословныя порицанія на старые обряды, самою церковію дозволенные къ употребленію у единовѣрцевъ. По этому, спрашиваютъ они, не состоятъ ли единовѣрцы подъ клятвами помянутаго собора?

Въ отвѣтъ на сіе мы намѣрены откровенно изложить, какимъ образомъ мы, вступая въ единеніе съ церковію на правилахъ единовѣрія, разрѣшили для себя этотъ самый вопросъ, нѣкогда и насъ занимавшій, какъ занимаетъ теперь **нашихъ вопрошателей** и всѣхъ вообще старообрядцевъ.

Пребывая еще въ глаголемомъ старообрядчествѣ и состоя въ числѣ членовъ австрійской іерархіи, мы, по примѣру прочихъ старообрядческихъ вождей, въ видахъ распространенія помянутой іерархіи и для удобнѣйшаго дѣйствованія противъ православной церкви и единовѣрія, употребляли, какъ самое сильное средство къ достиженію сей цѣли, указаніе на клятвы собора 1667 года, утверждая, что клятвы сіи направлены именно на старые обряды. Правда, по крайней мѣрѣ внутренно, мы сами сознавали, что православная церковь, допустившая единовѣріе, очевидно, относитъ соборныя клятвы не къ обрядамъ, а къ отдѣляющимся изъ-за нихъ отъ св. церкви, но желая во что бы ни стало обвинить церковь, мы на это не обращали вниманія, а старались только утверждать, что православная церковь въ одно и то же время и благословляетъ, и проклинаетъ старые обряды. „Еда источникъ, спрашивали мы съ какимъ-то торжествомъ, отъ единаго устія источаетъ сладкое и

горькое? А въ православной церкви, смотрите, отъ тѣхъ же устъ исходитъ благословеніе и клятва". (Іаков. зач. 54—55).

Когда православные архипастыри текущаго столѣтія стали писать въ мягкихъ выраженіяхъ о такъ называемыхъ старыхъ обрядахъ, это намъ очень не нравилось, какъ не нравится въ настоящее время и всѣмъ вождямъ старообрядческимъ. Особенно опасались мы, какъ бы св. Суноду не пришло на мысль издать отъ себя прямое разъясненіе, что клятвы относятся именно къ отдѣляющимся отъ св. церкви ради любимыхъ ими обрядовъ, а не на самые обряды: тогда, думали мы, старообрядчеству и особенно нашей проповѣди противъ церкви нанесенъ будетъ смертельный ударъ. Вотъ до какого ослѣпленія были мы привержены къ старообрядчеству, пріемлющему австрійскую іерархію! Но пришло время, когда по поводу Окружнаго посланія возникли распри, смуты среди старообрядческихъ епископовъ, духовенства и простонародья, когда образовались двѣ партіи — *окружниковъ* и *противокружниковъ* — и посыпались со стороны духовныхъ властей обѣихъ партій другъ на друга анаѳемы и проклятія. По указанію о. Пафнутія, именовавшагося въ то время коломенскимъ епископомъ, оказалось, что въ Бѣлокриницкомъ уставѣ, на которомъ основана іерархія, въ изложеніи богословія находятся догматическія погрѣшности и еретическія мудрованія. На нихъ указалъ въ 1863 году и соборъ старообрядческихъ епископовъ въ составленномъ тогда разборѣ помянутаго богословія (подлинникъ этого разбора за подписью епископовъ находится у насъ). Тотъ же о. Пафнутій тщательно разсмотрѣлъ имъ же самимъ преимущественно распространенное ученіе о прекращеніи ветхозавѣтнаго олтарнаго огня во время Вавилонскаго плѣна, придуманное основателемъ бѣлокриницкой іерархіи инокомъ Павломъ въ объясненіе принимаемаго старообрядцами мнимаго прекращенія по всей вселенной православной іерархіи въ трехъ чинахъ а). По

(а) Огнь олтарный хотя и прекращался во время Вавилонскаго плѣна, по случаю сокрытія его въ кладезь; но іерархія и во время плѣна не прекращалась, ибо а) не всѣ архіереи и священники взяты были въ плѣнъ, и б) даже изъ плѣна многіе изъ нихъ возвратились еще живыми (Варух. гл. 1, Эзд. гл. 2 и 3; Неем. гл. 12). А что касается жертвоприношенія, то оно до плѣна Вавилонскаго, во время онаго и послѣ совершалось и посредствомъ простаго огня (Левит. гл. 6 и 8; 2 Паралип. гл 29 и 30; Варух. гл. 1; Эздр. гл. 3; Неем. гл. 12). Слѣдовательно тотъ олтарный огонь, который во время всего существованія ветхозавѣтной

внимательномъ разсмотрѣніи этого ученія оказалось, что оно совершенно неосновательно и исполнено духоборства, что̀ подтвердилъ и духовный старообрядческій Совѣтъ (ибо утверждать, что Духъ Святый, сошедшій на Апостоловъ въ день Пятидесятницы, подлежалъ измѣненію, т.-е. что Онъ, по примѣру ветхозавѣтнаго олтарнаго огня, во время Никона патріарха, „превратился въ кладезь еретичества. а по принятіи Амвросія опять воспламенился“, не есть ли духоборство и послѣдованіе горшее Македоніевой ереси?). Все это было причиною, что мы сильно поколебались въ своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ относительно глаголемаго старообрядчества и старообрядческой іерархіи, а потому еще съ большимъ вниманіемъ и съ большимъ безпристрастіемъ приступили къ рѣшенію важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ вопросовъ касательно старообрядчества (б). Разсмотрѣніе сихъ вопросовъ показало намъ, что церковь Христова состоящая изъ полной Богоучрежденной іерархіи (в), семи церковныхъ таинствъ и вѣрныхъ людей (г), не можетъ ни на одинъ день прекратиться (д); что старообрядческое общество, не имѣвшее почти 200 лѣтъ епископа, безъ котораго церковь не можетъ и церковью именоваться (е),

---

церкви два раза сходилъ съ неба, какъ чудо (Левит. гл. 9; 2 Паралип. гл. 7), не почитался необходимымъ для жертвоприношеній и прочихъ священнодѣйствій оной церкви.

б) Вопросы, которые здѣсь разумѣются, были письменно изложены нами и представлены на разсмотрѣніе членамъ старообрядческаго духовнаго совѣта; потомъ, чтобы вызвать на нихъ отвѣты, отъ которыхъ члены совѣта, очевидно, уклонялись, мы напечатали вопросы сіи въ *Душеполезномъ чтеніи* (1865 г. кн 7),— и доселѣ однако отвѣтовъ на нихъ ожидаемъ тщетно.

(в) Благовѣстн. на Лук. зач. 95 лист 205; Игнат. Богон. посл. 2 и 3 къ Тралліанамъ; Сумеон Θессал. кн. 1, гл. 156, и кн. 2, число 30; книга «о прав. вѣрѣ» гл. 7. лист. 59; книга, именуемая Кириллова лист. 77—78.

(г) Большой катихисисъ о семи церковныхъ таинствахъ.

(д) Матѳ. зач. 65, Маргар. слов. о Озіи царѣ, л. 193; Златоуст. бесѣд 7 на зач. 223; Апост. Толк. л. 790; книга «о прав. вѣрѣ» гл. 2, л. 19, Маргар. л. 525; Благовѣсти. на Матѳ. зач. 100, на Лук. зач. 107; Амвросій Медіол. и Блажен Августинъ (Правосл. догм. Богосл Макарія ч. II, стр. 186).

(е) Діонисій Ареоп. о священноначаліи; Св. Кипріанъ посл. 69 (Богосл. Макар. ч. II, стр. 154), Маргар. житіе Златоуста л. 154; Симеон. Солун. кн. 1, гл. 77 и кн. 2, гл. 88; Тактик сл. 14, л. 72. Игнат. Богон. посл. 3 къ Филадельфіянамъ; Тертулліанъ противъ Маркіона (Богосл. Макар. ч. II, стр. 166).

не составляло изъ себя соборной и апостольской церкви; что принятіе Амвросія никакъ не можетъ заставить забыть промежутокъ времени, когда у старообрядцевъ не было епископа, и, наконецъ, что и самое 8-е прав. перваго всел. собора, на основаніи котораго принятъ Амвросій, ни въ какомъ случаѣ оправдать его принятіе не можетъ, потому что въ правилѣ семъ сказано: „если еретики обращаются *къ соборной и апостольской церкви*, тогда таковые, прокленше свою ересь, принимаемы бываютъ въ своемъ чинѣ“,—ибо они дѣлаются зависимыми уже отъ православнаго епископа; старообрядцы же до Амвросія не имѣли у себя епископа, слѣдовательно Амвросій обратился не къ церкви, а къ толпѣ народа. Тогда-то мы ясно увидѣли, что находимся не въ св. церкви, а въ крайнемъ заблужденіи душепагубнаго раскола; увидѣли свои ошибки и нашли усилія наши распространить бѣлокриницкую новоучрежденную іерархію и духоборное ученіе тѣмъ болѣе неизвинительными, что, какъ нѣкоторымъ изъ насъ вполнѣ было извѣстно, Амвросій присоединился къ старообрядчеству не по убѣжденію въ правотѣ онаго, а единственно по житейскимъ разсчетамъ, что во врéмя принятія мазали его деревяннымъ масломъ, а не мvромъ, котораго старообрядцамъ негдѣ было и взять, что Амвросій во время пребыванія своего въ г. Цилли, когда ему не высылали почему-либо къ опредѣленному сроку слѣдующихъ по условію 500 червонцевъ, писалъ въ Бѣлую Криницу посланія съ ужаснѣйшими проклятіями, и всѣхъ, начиная отъ Кирилла, запрещалъ священнодѣйствовать, мірянъ же, которые стали бы принимать отъ запрещенныхъ благословеніе, отлучалъ и проклиналъ и подъ такими отлученіями и проклятіями содержалъ духовенство и мірянъ дотолѣ, пока не получалъ деньги, а это продолжалось иногда по мѣсяцу, при чемъ запрещенныя имъ лица не переставали священнодѣйствовать, мірскіе же получать отъ нихъ благословеніе. Наконецъ мы узнали, что Амвросій предъ смертію раскаялся въ своемъ отступленіи отъ православія предъ греческимъ священникомъ, привезеннымъ изъ Тріеста, и тѣмъ же священникомъ отпѣтъ и погребенъ въ Тріестѣ на Болгарскомъ кладбищѣ св. Спиридонія. Все это нѣкоторые изъ насъ знали, но по обыкновенію старообрядцевъ всячески заботились хранить втайнѣ, принимая все на свою душу, дабы имѣть большіе успѣхи въ распространеніи новоучрежденной іерархіи. Но кто же насъ призвалъ, спрашивали мы послѣ сами себя, на такое проповѣдниче-

ское служеніе? Оказалось, что никто, что мы самозванные учители и лжепроповѣдники, о которыхъ Господь сказалъ чрезъ пророка: „не послахъ ихъ, тіи же прорицаютъ имеимъ моимъ о неправдѣ“ (Іерем. гл. 27, ст. 15). Тогда-то обратили мы безпристрастный взоръ и на православную Грекороссійскую Церковь, вопрошая себя: за что мы отъ нея отдѣляемся, есть ли къ тому законныя основанія и не въ ней ли, напротивъ, надлежитъ намъ искать надежду своего спасенія?

Первоначально призвавъ Бога на помощь, мы приступили съ усердіемъ къ безпристрастному изслѣдованію и разсмотрѣнію причинъ, побудившихъ нашихъ предковъ отдѣлиться отъ православной церкви. Что догматическое ученіе оной церкви нисколько не повреждено, въ этомъ мы были увѣрены, и самъ бѣлокриницкій инокъ Павелъ засвидѣтельствовалъ, что грекороссійская церковь не погрѣшаетъ въ Богословіи, а это, по его выраженію, есть главный пунктъ православія. Итакъ причиною отдѣленія предковъ отъ грекороссійской церкви не могло быть поврежденіе оной какими-либо ересями. Но главными и важнѣйшими причинами сего отдѣленія оказались: имя Спасителя, пишемое и произносимое въ грекороссійской церкви *Іисусъ*, четвероконечный крестъ, трегубое аллилуіа, сложеніе перстовъ для моленія и благословенія, пятипросфоріе и хожденіе не посолонь, вообще же исправленіе книжное. Но начертаніе имени Спасителя *Іисусъ* и четвероконечный крестъ мы уже признавали не только непогрѣшительными, но и душеспасительными, о чемъ ясно выражено было въ Окружномъ Посланіи, только, разумѣется, выражено это не совсѣмъ рѣшительно, потому что опасались, какъ бы не соблазнить старообрядцевъ. Потомъ для разсмотрѣнія другихъ причинъ отдѣленія старообрядцевъ отъ церкви мы взяли три книги: „Бесѣды къ глаголемому старообрядцу“, „Истино древняя и истинно православная Христова церковь“ и „Выписки“ Озерскаго, провѣрили указанныя въ нихъ свидѣтельства въ подтвержденіе древности содержимыхъ грекороссійскою церковію обрядовъ по памятникамъ, хранящимся въ Москвѣ въ патріаршей ризницѣ и въ библіотекахъ Синодальной, Троицко-Сергіевой лавры и г. Хлудова, и найдя всѣ сіи свидѣтельства справедливыми и вполнѣ согласными съ указанными въ нихъ памятниками, окончательно убѣдились въ маловажности и ничтожности причинъ, по которымъ наши предки отдѣлились отъ Св. церкви, и въ томъ, что по новоисправленнымъ книгамъ и обрядамъ можно, безъ

сомнѣнія, спастися, потому что книги исправлены по древнимъ рукописямъ греческимъ и славянскимъ, собраннымъ для сего изъ достопримѣчательнѣйшихъ библіотекъ Россійскаго государства и привезеннымъ нарочно изъ Греціи; обряды же заимствованы отъ восточной православной греческой церкви, имѣющей 4-хъ патріарховъ, съ которой согласуются въ обрядахъ всѣ православнохристіанскіе народы, какъ-то: Арабы, Сербы, Болгары, Грузинцы, Черногорцы, Молдоване и другіе. Замѣтимъ кстати, что вышепомянутыя три книги да еще „Увѣщаніе во утвержденіе истины", изданное св. Синодомъ, весьма назидательны и полезны для тѣхъ старообрядцевъ, которые желаютъ безпристрастно разрѣшить свои недоумѣнія относительно причинъ, удерживающихъ ихъ отъ единенія со св. церковію.

Такъ какъ намъ желалось, по присоединеніи къ св. церкви, сохранить тѣ же обряды, къ которымъ мы привыкли съ дѣтства, то и нужно было намъ, вопервыхъ, найти въ исторіи примѣръ, имѣла ли когда-либо православная церковь разнообразные обряды при совершенномъ единеніи въ вѣрѣ, и вовторыхъ, разсмотрѣть дѣянія собора 1667 года,—дѣйствительно ли клятвы сего собора произнесены на такъ-называемые старые обряды, и не состоятъ ли подъ оными клятвами единовѣрцы, употребляющіе помянутые обряды и вмѣстѣ съ тѣмъ пребывающіе въ единеніи съ православною церковію.

I.

Относительно употребленія разнообразныхъ обрядовъ Св. Григорій Двоесловъ свидѣтельствуетъ, что „въ единой вѣрѣ ничего не вредитъ Св. церкви разнообразность обыкновеній" (Посл. 41 къ Леандру).—Церковный историкъ—Сократъ, жившій въ 5 вѣкѣ, пишетъ: „ни одно вѣроисповѣданіе не держится однихъ и тѣхъ же обычаевъ, хотя имѣетъ одно и тоже понятіе о Богѣ. Въ отношеніи къ обычаямъ даже и единовѣрные разногласятъ между собой". Затѣмъ, пересчисляя разные обычаи, соблюдавшіеся въ разныхъ мѣстахъ, заключаетъ, что „вообще между обществами вѣрныхъ едвали можно найти и двѣ церкви, которыя въ совершеніи молитвъ были бы вполнѣ согласны одна съ другой" (Церк. Истор. Сократа Схоластика Спб. 1850 г. стр. 129—132). Также и другой церковный историкъ, Созоменъ, свидѣтельствуетъ о существованіи въ древней церкви различныхъ обычаевъ

(Церк. Истор. Ерміа Созомена Саламинскаго. Спб. 1851 г. стр. 317—319).

Затѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что въ греческой книгѣ „Сокровище", напечатанной въ Венеціи 1568 года, повелѣвается триперстно молиться (Поморск. отвѣтъ 42). Слѣдовательно Греки въ то время употребляли триперстіе; но Россія чрезъ это не отдѣлялась отъ Греціи, доказательствомъ чему служитъ то, что россійскіе патріархи Іовъ и Филаретъ поставлены были греческими патріархами (1589—1619 г.). Кромѣ сего въ книгѣ „о правой вѣрѣ", напечатанной при Іосифѣ патріархѣ, свидѣтельствуется и утверждается, что восточная греческая православная церковь соблюдаетъ и хранитъ чистоту православія въ цѣлости (Гл. 2, лист. 27). Наконецъ въ Кіевской митрополіи еще во время патріарха Филарета употреблялось триперстіе, имя Спасителя *Іисусъ*, трегубое аллилуіа и прочее, что доказываютъ напечатанныя въ то время въ Кіевѣ книги; но патріархи Филаретъ и Іосифъ не имѣли раздѣленія съ Кіевской митрополіей, а пребывали съ нею въ духовномъ союзѣ и единомысліи.

Итакъ, хотя и въ древней вселенской православной церкви обряды содержались въ разныхъ мѣстахъ различно, но разногласія въ вѣрѣ, тѣмъ болѣе раздѣленія изъ-за нихъ никакого не было. „Безумно было бы, пишетъ историкъ Созоменъ, христіанамъ, согласнымъ въ главныхъ пунктахъ вѣрованія, раздѣляться между собой изъ-за обычаевъ, ибо во всѣхъ церквахъ, хотя онѣ исповѣдаютъ одно и то же ученіе, нельзя найти однихъ и тѣхъ же по всему сходныхъ преданій" (стран. 317).

Извѣстенъ въ исторіи слѣдующій случай: когда Св. Василій Великій ввелъ въ Богослуженіе Кесарійской церкви особый чинъ, то Неокесарійцы, состоявшіе подъ его же паствой, вознамѣрились было изъ-за этого особаго чина прекратить общеніе съ Кесарійскою церковію (какъ это сдѣлали во времена патріарха Никона предводители старообрядчества). Но Св. Василій написалъ къ нимъ вразумительное посланіе, въ которомъ объяснялъ, что не слѣдуетъ изъ-за обычая дѣлать раздѣленіе. „Если спрашиваютъ ихъ, писалъ онъ между прочимъ, о причинахъ непримиримой вражды ихъ, они отвѣчаютъ: псалмы и образъ пѣнія измѣнены у васъ противъ давняго обыкновенія, и другое подобное выставляютъ, чего надлежало бы имъ стыдиться... Смотрите, заключаетъ Св. Василій, не оцѣживаете ли вы комара, занимаясь тонкими изслѣдованіями звуковъ голоса,

употребляемыхъ въ пѣснопѣніи, а между тѣмъ нарушая важнѣйшія заповѣди“ (Твор. Св Васил. Вел. VII, стр. 76–79).

II.

При разсмотрѣніи Дѣяній собора 1667 года мы не руководились тою мыслію, какою руководятся вообще старообрядцы, стараясь вывести изъ нихъ заключеніе, согласное ихъ непремѣнному намѣренію обвинить Св. церковь. Мы старались быть вполнѣ безпристрастными и главное вниманіе обратили на слѣдующіе вопросы: безъ всякой ли предшествовавшей причины положены соборомъ клятвы, или это былъ уже приговоръ, вызванный какою-либо виною? Потомъ: противъ чего именно направлены соборныя клятвы и какъ сіи клятвы въ послѣдствіи разумѣла и нынѣ разумѣетъ правосл. церковь, которая одна можетъ и должна быть почитаема несомнѣнной и справедливой истолковательницей смысла клятвъ, ею самою положенныхъ? По разсмотрѣніи и изслѣдованіи оказалось, что клятвы собора суть не что иное, какъ приговоръ или осужденіе, произнесенное соборомъ на людей, уже показавшихъ себя противниками церкви, и именно на нихъ, а не на обряды, защитниками которыхъ они себя выставили. Ибо отдѣленіе глаголемыхъ старообрядцевъ отъ церкви послѣдовало прежде 1667 года, что̀ доказываютъ вопервыхъ поступокъ Павла, епископа Коломенскаго на соборѣ 1654 года, обнаружившій явное сопротивленіе всему собору (а); вовторыхъ написанныя Никитою, суздальскимъ попомъ, обвиненія противъ

(а) Глаголемые старообрядцы нынѣшняго времени обыкновенно утверждаютъ, будтобы начало отдѣленія ихъ отъ церкви послѣдовало вслѣдствіе произнесенія Макаріемъ, патріархомъ Антіохійскимъ, въ Москвѣ 1656 г. и Московскимъ соборомъ 1667 года, клятвъ на содержащихъ старые обряды, и что клятвы произнесены прежде, а потомъ послѣдовало отдѣленіе. Но старообрядцы прежняго времени утверждаютъ противное. Извѣстные братья Денисовы въ книгѣ своей, извѣстной подъ названіемъ «Россійскій виноградъ», свидѣтельствуютъ, что Павелъ, епископъ Коломенскій, по окончаніи собора, бывшаго въ 1654 году, на которомъ обсуждался вопросъ объ исправленіи книгъ, вмѣсто своей подписи на соборномъ актѣ написалъ проклятіе слѣдующими словами: «Аще кто отъ обычныхъ преданій св каѳолическія церкви отъиметъ или приложитъ къ нимъ, или инако развратитъ, анаѳема да будетъ» (статьи о Павлѣ, еп. коломенскомъ и его сподвижникахъ Иванѣ Нероновѣ, протопопѣ Аввакумѣ Ѳедорѣ діаконѣ и другихъ см. въ Россійскомъ Виноградѣ). Это ясно свидѣтельствуетъ, что начало сопротивленія церкви и отдѣле-

новоисправленныхъ книгъ (б), и наконецъ рѣчь царя Алексѣя Михайловича къ помѣстному собору россійскому, бывшему еще въ 1665 году, въ которой онъ говорилъ объ образовавшемся уже въ то время отдѣленіи отъ церкви людей, недовольныхъ исправленіемъ книгъ, громко вопіявшихъ, что церкви православныя — не церкви, тайны, совершаемыя въ нихъ—не тайны,—произносившихъ хулы и укоризны на имя *Іисусъ*, четвероконечный крестъ, именословное и триперстное сложеніе и на прочіе новоисправленные обряды (см. соборн. свитокъ). Итакъ еще соборомъ 1667 года не были изнесены клятвы, многими почитаемыя за причину отдѣленія старообрядцевъ отъ церкви, а старообрядцы уже отдѣлились отъ церкви, которую поносили нестерпимыми укоризнами, и соборъ именно произнесъ на нихъ осужденіе за это отдѣленіе отъ церкви ради

ція отъ нея послѣдовало еще до произнесенія клятвъ, и послѣдовало именно въ лицѣ Павла Коломенскаго. Но что побудило Павла написать проклятіе, когда на помянутомъ соборѣ не налагалось никакого запрещенія на употребленіе такъ-называемыхъ старыхъ обрядовъ, а только предложенъ былъ патріархомъ Никономъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, собравшимся на соборъ русскимъ святителямъ вопросъ объ окончательномъ исправленіи церковно-служебныхъ книгъ, на который всѣ святители, кромѣ Павла, дали утвердительный отвѣтъ? Причина, побудившая Павла къ столь безразсудному поступку, состояла, какъ не безъ основанія полагаютъ, въ личныхъ отношеніяхъ. Павелъ, по свидѣтельству исторіи, былъ близкимъ родственникомъ Иларіону, митрополиту Суздальскому, въ мірѣ Ивану Ананьину, который женатъ былъ на родной сестрѣ Павла Родителю же Иларіонову Ананіи, въ монашествѣ Антонію, іеромонаху Юнгельскаго Козьмодемьянскаго монастыря, по смерти патр. Іосифа, выпалъ было жребій изъ числа трехъ кандидатовъ быть его преемникомъ, чего въ особенности желалъ Павелъ, надѣясь въ то время имѣть больше чести и вліянія на церковныя дѣла (Истор. Русск Раскола Макарія С.П Б. 1855. стр. 163). Но когда по волѣ царя Никонъ поставленъ преемникомъ патр. Іосифа, тогда Павелъ сталъ относиться къ нему враждебно, и при первой возможности готовъ былъ возстать противъ него. Намѣреніе Никона исправить книги, вѣроятно, и представило Павлу удобнѣйшій случай къ мщенію, что онъ и исполнилъ, написавъ безъ всякой причины проклятіе подъ соборнымъ актомъ. Но такой безразсудный поступокъ Павла, происшедшій изъ одной личности, къ сожалѣнію, положилъ основаніе жалкому церковному расколу, распавшемуся въ послѣдствіи на столь юродливыя многочисленныя секты

(б) Обвиненія Никиты напечатаны въ книгѣ «Жезлъ», изданной еще въ 1666 году.

обрядовъ: исчисливъ главныхъ расколоучителей и указавъ, что они учили почитать только осмиконечный крестъ за истинный крестъ Христовъ, только молитву Іисусову съ приложеніемъ *Сыне Божій* за истинную молитву, только сугубое аллилуіа за православное и проч., соборъ произнесъ клятву, какъ на этихъ первыхъ расколоучителей, такъ и на тѣхъ, кто подобно имъ сталъ бы признавать исключительно только прежніе обряды за православные, и изъ-за нихъ отдѣляться отъ церкви. Но если бы и въ то время лица, рѣшившіяся защищать и неизмѣнно соблюдать именуемые старые обряды, не признавали новоисправленные обряды еретическими и не произвели церковнаго раскола, соборъ, конечно, не произнесъ бы на нихъ клятвы, какъ показываетъ слѣдующее обстоятельство: относительно употребленія молитвы Іисусовой соборъ выразился, что она *непрекословящимъ* и съ приложеніемъ *Сыне Божій,* вмѣсто *Боже нашъ, свободна есть къ читанію,* т.-е. молитва: *Господи Іисусе Христе Сыне Божій* и проч. сама по себѣ не подлежитъ осужденію и можетъ быть свободно читаема, если только читающіе оную *не будутъ прекословить* противъ молитвы *Господи Іисусе Христе Боже нашъ...,* не будутъ считать сію молитву еретическою (какъ дѣлали прекословящіе), и не будутъ изъ-за нея отдѣляться отъ церкви. Такъ разсуждая относительно молитвы Іисусовой, соборъ, безъ сомнѣнія, такъ же разсуждалъ и о другихъ предметахъ прекословія. Представимъ на это и еще доказательство. Московскій соборъ 1667 года правиломъ 25 повелѣваетъ имѣть въ великой чести книгу „Скрижаль“ (напечат. въ 1656 году), „яже вновь преведеся съ греческихъ книгъ при Никонѣ бывшемъ, патріархѣ“,—и вслѣдъ за симъ, 26 правиломъ утверждаетъ „Епистолію“ Константинопольскаго патріарха Паисія, напечатанную въ помянутой Скрижали, тогда какъ объ отвѣтѣ Антіохійскаго патріарха Макарія, написанномъ въ бытность его въ Москвѣ 1656 года, и въ той же Скрижали напечатанномъ, ничего не сказалъ. Вотъ подлинныя слова соборнаго свитка: „Епистолія, яже писана отъ нашего брата святѣйшаго Кѵръ Паисія, архіепископа Константинопольскаго новаго Рима и вселенскаго патріарха о нѣкоторыхъ церковныхъ вещѣхъ, по вопросамъ отвѣты, якоже отъ нашего брата святѣйшаго Паисія патріарха и отъ того священнаго собора написано есть, тако и мы согласно повелѣваемъ и утверждаемъ“ (правил. 26). А въ помянутой епистоліи патріархъ Паисій между прочимъ писалъ слѣдующее: „аще случится

и нѣкоей церкви разнствовати отъ другія въ нѣкихъ чинѣхъ, не нужныхъ и существительныхъ вѣры, но малыхъ, якоже есть: время литургіи, и подобныхъ, сіе ни единое разлученіе творитъ, токмо егда сохраняется таяжде вѣра непреложно". Затѣмъ, приведши нѣсколько примѣровъ изъ древней церкви, въ которой обычаи были разнообразны, патріархъ Паисій продолжаетъ: „не подобаетъ убо нижé нынѣ нещевати, яко развращается вѣра наша православная, аще единъ творитъ послѣдованіе свое мало различное отъ другаго въ вещѣхъ, яже не суть существительныя, сирѣчь составъ вѣры, токмо да согласитъ въ нужныхъ и свойственныхъ съ соборною церковью" (Скриж. стр. 645, 647 и 648). Очевидно, соборъ 1667 года въ точности руководствовался разсужденіемъ вселенскаго патріарха, когда выразился, что *непрекословящимъ* свободна есть къ чтенію молитва: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, вмѣсто молитвы: Господи Іисусе Христе Боже нашъ,—и вообще въ своихъ опредѣленіяхъ строго слѣдовалъ завѣщанію патріарха Паисія. Но такъ какъ противники продолжали упорно утверждать, что чрезъ измѣненіе нѣкоторыхъ обрядовъ, церкви стали не церкви, тайны—не тайны, соборъ и вынужденъ былъ произнесть клятвы, и именно на нихъ и подобныхъ имъ, а не на самые предметы прекословія, какъ видно изъ словъ, которыми соборъ заключилъ свои рѣшенія: „дондеже уразумятся и обратятся". Уразумлятся и обращаться могутъ только люди, а не предметы. Что же означаютъ эти слова: дондеже уразумятся и обратятся?—Пока признаютъ и новоисправленные обряды непогрѣшительными, хотя бы сами по привычкѣ и держались такъ-называемыхъ старыхъ. Въ послѣдствіи церковь самымъ дѣломъ подтвердила, что клятвы собора 1667 года надлежитъ разумѣть въ этомъ именно смыслѣ: когда часть старообрядцевъ заявили, что они считаютъ и новоисправленные обряды непогрѣшительными, хотя сами желаютъ сохранить старые, тогда правос. церковь, руководясь разсужденіемъ, выраженнымъ въ Епистоліи патріарха Паисія, и подражая примѣру собора 1667 года, отвѣтила имъ: *непрекословящимъ и старые обряды свободны суть къ употребленію,* и отвѣтила такимъ образомъ не на словахъ только, а самымъ дѣломъ, учредивъ единовѣріе.

Еслибъ, разсуждали мы, клятвы положены были прямо на уважаемые нами обряды, и такъ бы именно разумѣла сіи клятвы и православная церковь, то развѣ дозволила бы она единовѣріе? Уже ли пастыри православной церкви

не могли бы разсудить, что, считая клятвы собора 1667 года положенными на самые обряды и вмѣстѣ дозволивъ единовѣріе, они и самихъ себя подвергли бы тѣмъ же клятвамъ, ибо и сами, служа въ единовѣрческомъ храмѣ, употребляютъ именуемые старые обряды? Притомъ же мало ли православныхъ, которые, ходя въ православные храмы, употребляютъ двуперстіе? Неужели церковь и на этихъ людей возводитъ клятвы собора 1667 года? Дѣло очевидное, что клятвы сіи ни отцы собора, ни православные пастыри послѣдующаго времени не относили и не относятъ къ самымъ обрядамъ, а къ отдѣляющимся изъза нихъ отъ св. церкви (а). Такъ зачѣмъ же послѣ этого, думали мы, относить клятвы собора собственно къ обрядамъ, какъ это дѣлаютъ старообрядцы? И простительно ли, размышляли мы, силою навязывать правосл. церкви наши собственныя мнѣнія о соборныхъ клятвахъ,—мнѣнія, которыхъ она никогда не держалась и не держится,—и для чего мы такъ дѣлаемъ? Единственно для того, чтобы обвинить церковь и не быть ей покорными. А между тѣмъ не оказалось ли, что мы сами находимся въ крайнемъ заблужденіи душепагубнаго раскола, и держимся безблагодатной іерархіи. Такъ рѣшили мы вопросъ о клятвахъ собора 1667 года.

Если Дѣянія собора 1667 года разсматривать только поверхностно и съ той точки зрѣнія, съ которой обыкновенно разсматриваютъ ихъ всѣ старообрядцы, желающіе непремѣнно вывести изъ нихъ обвиненіе противъ правосл. церкви: то, конечно, Дѣянія собора такими и представятся, какими ихъ хотятъ видѣть старообрядцы. И это не удивительно. Развѣ мы не знаемъ, что тѣ несчастные, которые покушаются опровергнуть христіанскую религію, разсматривая св. Евангеліе съ единственнымъ намѣреніемъ отыскать въ немъ доказательства противъ религіи, находятъ даже въ сей богодухновенной книгѣ разныя кажущіяся имъ противорѣчія, и находятъ именно потому, что непремѣнно желаютъ найти ихъ для своей богоборной цѣли, подобно какъ старообрядцы въ Дѣяніяхъ собора

(а) Отъ лица современной намъ правосл. церкви ясно выразился блаженной памяти Москов. Митрополитъ Филаретъ въ изъясненіи своемъ о соборныхъ клятвахъ, что ни соборъ 1667 года, ни впослѣдствіи правосл. церковь не относили и не относятъ таковыя къ старымъ обрядамъ, а къ отдѣляющимся изъ-за нихъ. Смотр. «Свѣдѣніе о единовѣрческихъ церквахъ». Москва. 1858 г. лист. 43 на оборотѣ.

1667 года желаютъ непремѣнно отыскать угодный имъ самимъ смыслъ, дабы поставить ихъ въ укоризну православной церкви. Покушающимся опровергнуть Евангельскую истину слѣдовало бы обращать вниманіе на причины и обстоятельства, которыми и объясняются и удобно устраняются кажущіяся имъ противорѣчія въ Евангеліи, и особенно послѣдовать ученію св. церкви, какъ она объясняетъ представляющіяся имъ противорѣчащими изреченія. Равнымъ образомъ и старообрядцы, при разсмотрѣніи Дѣяній собора 1667 года, должны обращать вниманіе, во-первыхъ на причину и обстоятельства, побудившія соборъ произнесть клятвы, и во-вторыхъ на то, какое объясненіе дѣлаетъ помянутымъ клятвамъ правосл. церковь, которая одна, какъ мы выше замѣтили, можетъ и должна считаться несомнѣнной и справедливой истолкователь-ницей оныхъ. Составлять же свое мнѣніе о спорныхъ предметахъ только по поверхностному ихъ разсмотрѣнію, и притомъ еще съ неблагонамѣренною цѣлью, крайне неизвинительно. Нашъ игуменъ отецъ Павелъ однажды при бесѣдѣ со старообрядцами доказалъ это слѣдующимъ примѣромъ. Онъ прочиталъ 7-ое правило Гангрійскаго помѣстн. собора, въ которомъ сказано: „аще кто плодоношенія церковная, рекше всякъ приносъ, приносимый въ церкви, хотя пріимати или даяти внѣ церкви, безъ воли епископа, или приставника, емуже суть поручена таковая, и не съ волею его хотя творити, да будетъ проклятъ“ (Кормч. л. 58),—и спросилъ старообрядцевъ: „Кто по сему правилу проклятъ?“ Они, прочитавъ правило еще разъ, отвѣтили: „Тотъ, кто не приноситъ въ церковь начатки своихъ плодовъ, а даетъ ихъ внѣ церкви безъ воли епископа.“ „А что въ настоящее время, продолжалъ о. Павелъ спрашивать ихъ,—исполняютъ ли ваши, или наши это правило?“— „Нѣтъ“, былъ отвѣтъ ихъ. „Слѣдовательно, теперь всѣ подлежатъ клятвѣ отцовъ этого собора“? спросилъ о. Павелъ. „По этому такъ“, подтвердили они. Тогда о. Павелъ объяснилъ имъ, что если это правило разсматривать только поверхностно, то получится изъ него именно то заключеніе, что каждый, кто начатки своихъ плодовъ, какъ-то: хлѣбъ, овощи и т. п. не приноситъ въ церковь, а даетъ таковые внѣ оной, напр. нищимъ, безъ воли епископа, или приставника, тотъ подлежитъ клятвѣ св. отцевъ собора, и такимъ образомъ въ настоящее время всѣ безъ исключенія будутъ состоять подъ этой клятвой, какъ не исполняющіе сего правила. Но если розыскать причину, побу-

дившую соборъ произнесть таковую клятву, то окажется, что клятва падаетъ не на тѣхъ, которые, не имѣя противнаго церкви умствованія, раздаютъ нищимъ начатки своихъ плодовъ внѣ оной и безъ воли епископа, а на тѣхъ, которые учатъ приносить начатки не въ церковь, а имъ самимъ, въ ихъ распоряженіе, какъ этому между прочимъ училъ Евстафій еретикъ съ своими единомысленными, на которыхъ и положена соборомъ клятва (Кормч. л. 60). „Такъ-то, заключилъ о. Павелъ, старообрядцы разсматриваютъ и Дѣянія собора 1667 года только поверхностно, потому и кажется имъ, что клятвы положены на обряды; но еслибы они старались розыскать причину и обстоятельства, вызвавшія сіи клятвы, то оказалось бы, что онѣ положены не на обряды, а на отдѣляющихся отъ церкви изъ-за обрядовъ.“

А что касается рѣзкихъ выраженій, находящихся въ полемическихъ книгахъ, которыя слишкомъ смущали нѣкогда и насъ, то и на нихъ мы также перемѣнили свой взглядъ, когда приняли во вниманіе, вопервыхъ то, что православныхъ архипастырей прежняго времени побудили употреблять таковыя выраженія въ своихъ сочиненіяхъ еще болѣе рѣзкія порицанія и хулы на православную церковь, распространявшіяся въ сочиненіяхъ ревнителей глаголемаго старообрядчества; во вторыхъ то, что таковыя выраженія принадлежатъ не всей церкви, а только отдѣльнымъ лицамъ, и потому вселенская церковь никакъ не можетъ быть обвиняема за оныя; и наконецъ то, что православные архипастыри послѣдняго времени не только не употребляютъ уже въ своихъ сочиненіяхъ подобныхъ выраженій, но и прежнія не одобряютъ: „не хороши, и не оправдываемъ ихъ,“ написалъ высокопреосвящ. митроп. Новгород. Григорій въ своей книгѣ при разсужденіи о рѣзкихъ выраженіяхъ прежнихъ архипастырей („Истинно древн. и истинно правосл. Христова церковь“. СПБ. 1859 г. ч. II. стр. 106). Такъ чего же еще нужно намъ? спрашивали мы сами себя. Въ настоящее время православные архипастыри не употребляютъ больше рѣзкихъ выраженій и не сочувствуютъ прежнимъ, а прежде бывшіе архипастыри хотя и употребляли таковыя, однако если обратить вниманіе на тѣ ужасныя порицанія и хулы, которыя такъ щедро расточались въ спискахъ нашими предками, безсмысленно соединявшими съ своими обрядами неправославныя мудрованія и безразсудно утверждавшими, что крестъ четвероконечный—печать анти-

христова, что триперстное сложеніе руки (во имя св. Троицы) есть знаменіе антихриста, что имя *Іисусъ* заключаетъ въ себѣ послѣдняго антихриста и прочее,—сверхъ сего на картинкахъ изображали православнаго священника въ облаченіи съ рогами и хвостомъ, какъ бы предстоящаго у престола во время совершенія Евхаристіи, а выше престола изображали трехглаваго змія, изрыгающаго въ потиръ свои блевотины, и другія тѣмъ подобныя картинки распространяли на поруганіе св. церкви,—если на все это обратить вниманіе, то православные архипастыри прежняго времени окажутся заслуживающими извиненія за ихъ рѣзкія выраженія, какъ вызванныя вышепомянутыми причинами.

Итакъ подробно изслѣдовавъ зыбкія основанія, на которыхъ зиждется глаголемое старообрядчество съ его новоучрежденной іерархіей и разсмотрѣвъ представляемыя старообрядцами причины, будто бы препятствующія имъ присоединиться къ св. церкви на правилахъ единовѣрія, мы пришли къ окончательному убѣжденію въ правотѣ православной церкви и въ томъ, что именуемое старообрядчество, въ которомъ мы находились, есть не что иное какъ душепагубный расколъ, и что никакихъ законныхъ препятствій не можетъ быть для желающихъ вступить въ нѣдра св. соборной и апостольской Грекороссійской церкви на правилахъ единовѣрія.

Въ заключеніе сего не лишнимъ считаю, по поводу рѣзкихъ выраженій, находящихся въ нѣкоторыхъ полемическихъ книгахъ, на уважаемые старообрядцами такъ называемые старые обряды, предложить примѣръ, объясняющій смыслъ и направленіе помянутыхъ рѣзкихъ выраженій: I. Христосъ на тайной вечери употребилъ для таинства Евхаристіи виноградное вино, и съ того времени вино сіе употребляется на литургіи и здѣсь по освященіи прелагается въ истинную кровь Христову. Сверхъ сего церковный уставъ позволяетъ употреблять вино въ самые постные дни—на первой и страстной седьмицахъ Великаго поста ради предстоящаго труда, для подкрѣпленія силъ. Такимъ образомъ виноградное вино служитъ намъ и для душевнаго спасенія и для тѣлеснаго здравія. Но еслибы то же самое вино, напримѣръ, какой-либо младшій членъ семейства сталъ употреблять чрезъ мѣру, и не только самъ употреблять, но еще и брата своего склонять къ тому же, вслѣдствіе чего стала бы разстроиваться семейная ихъ жизнь и самое здоровье, тогда могло случиться, что отецъ семейства, изъ естественнаго побу-

жденія исправить дѣтей, не довольствуясь одними упреками за невоздержаніе, излилъ бы свое негодованіе и на самое вино, какъ причину, породившую въ его семействѣ разстройство и несогласіе. Ибо нерѣдко случается слышать. „хорошъ человѣкъ, да вино его погубило“,—выраженіе, которымъ обвиняется прямо вино, а не человѣкъ. О томъ же винѣ и апостоль Павелъ пишетъ: „не упивайтеся виномъ, въ немъже есть блудъ“ (Ефес. зач. 229). Здѣсь опять обвиняется вино, но обвиняется не потому, что оно не хорошо само по себѣ, а потому, что при употребленіи его чрезъ мѣру дѣлается виною грѣхопаденія. Изъ сего слѣдуетъ, что одно и то же вино служитъ и спасенію души и здравію тѣла, и влечетъ за собою тѣлесныя болѣзни, семейное разстройство и множество другихъ золъ, и наконецъ погибель самой души. Не можно ли и старые обряды, уважаемые глаголемыми старообрядцами, уподобить виноградному вину? Употребленію его во спасеніе души и здравіе тѣлу нельзя ли уподобить употребленіе старыхъ обрядовъ единовѣрцами, не отдѣляющимися отъ церкви, а употребленію того же вина чрезъ мѣру, во вредъ душевному и тѣлесному здравію, на погибель семейнаго спокойствія, нельзя ли уподобить то исключительное употребленіе старыхъ обрядовъ, которое дѣлаетъ людей врагами церкви и порождаетъ душепагубный церковный раздоръ? Затѣмъ отцу семейства нельзя ли уподобить православныхъ архипастырей, упрекамъ же, которые дѣлаетъ отецъ за невоздержаніе дѣтей, уподобить упреки, дѣлаемые православными архипастырями противникамъ св. Церкви за ихъ отдѣленіе отъ оной? Наконецъ, строгимъ порицаніямъ вина, какъ причины, породившей въ семействѣ разстройство и несогласіе, нельзя ли уподобить и рѣзкія выраженія о старыхъ обрядахъ, какъ причинѣ, породившей жалкій расколъ въ св. Церкви? Тогда можно безошибочно сказать, что рѣзкія выраженія православныхъ архипастырей прежняго времени относятся не къ сущности уважаемыхъ старообрядцами обрядовъ, но къ злоупотребленію ихъ, ведущему многихъ къ отдѣленію отъ св. Церкви.

О БРАДОБРИТІИ.

Нѣкоторые изъ числа глаголемыхъ старообрядцевъ (а) обращаются къ намъ между прочимъ съ вопросомъ о брадобритіи. Такъ какъ въ служебникѣ, напечатанномъ въ 5-е лѣто патріаршества Іосифа, брадобритіе названо ересью, то, спрашиваютъ, не причастна ли сей ереси православная церковь, дозволяющая нѣкоторымъ членамъ своимъ брить бороды? Затѣмъ, и въ отношеніи единовѣрія представляютъ такое недоумѣніе: если брадобрѣецъ изъ православныхъ попроситъ у единовѣрческаго священника благословенія, этотъ послѣдній, по силѣ единенія съ церковью, долженъ преподать ему оное; а чрезъ то не нарушается ли чистота единовѣрія, содержащаго старые книги и обряды?

Принимая во вниманіе благое намѣреніе вопрошающихъ, мы считаемъ долгомъ предложить имъ безпристрастное наше сужденіе о брадобритіи. При чемъ предваряемъ, что, разсуждая о брадобритіи, мы нисколько не намѣрены похвалить его, а намѣрены только показать, что брадобритіе не составляетъ догматической ереси, что церковь Христова, не возставая противъ онаго, нимало не повреждаетъ чистоты православно-догматическаго ученія и что какъ въ старину, такъ и въ настоящее время православная церковь не узаконяла брадобритія, а смотрѣла и смотритъ на него какъ на обычай, подобный прочимъ внѣшнимъ обычаямъ, напр. на такое, или другое одѣяніе, головной уборъ и проч.; если же гражданскіе законы и предписываютъ военнослужащимъ и другимъ лицамъ брить бороды, то сама церковь въ этомъ узаконеніи не участвуетъ, а только не противодѣйствуетъ имъ, такъ какъ они повреждения пра-

---

(а) Именно житель города Николаевска (Самар. губ.) Н. И. З—въ, человѣкъ весьма разсудительный и имѣющій вліяніе на другихъ старообрядцевъ.

вославному богословію и нравственности христіанской не причиняютъ.

Брадобритіе вошло въ обычай въ Россіи съ древнихъ, даже незапамятныхъ временъ, ибо въ упомянутомъ служебникѣ говорится: *не вѣмъ како и откуда въ сицевый народъ православія, и въ какое время въ великіи Россіи еретическій недугъ привниде* (листъ 621); потомъ ниже: *И тако многа лѣта сею ересію не только простіи, но и самодержавніи объяти быша* (листъ 622). Такимъ образомъ, сами издатели служебника, такъ рѣзко отозвавшіеся о брадобритіи, сами не могли сказать, съ котораго времени обычай брить бороды вошелъ въ употребленіе на Руси, и сами же засвидѣтельствовали, что этого обычая держались и простолюдины и вельможи и „самодержавніи". Значитъ, обычай этотъ существовалъ въ Россіи и въ то время, когда она, по убѣжденію самихъ старообрядцевъ, была несомнѣнно православною и быть ей православною обычай братобритія нимало не препятствовалъ.

И не въ Россіи первоначально возникъ этотъ обычай. Георгій Кедринъ въ исторіи своей пишетъ, что Маврикій, православный римскій императоръ, жившій въ 6 вѣкѣ, **брилъ** бороду *по обыкновенію* римлянъ. Также Ираклій, православный римскій императоръ, жившій въ 7 вѣкѣ, „когда воспріялъ императорское достоинство, немедленно по обыкновенію самодержцевъ (б) остригъ власы и обрилъ бороду" (Истор. Кедр. печ. въ Москвѣ 1820 г. ч. I, листъ 129 на оборотѣ и листъ 137). Даже Великій Ѳеодосій, римскій императоръ, при которомъ былъ 2-й вселенскій соборъ, брилъ бороду, что доказываетъ современный ему дискъ—блюдо, на которомъ изваяны изображенія Ѳеодосія и его дѣтей: здѣсь Ѳеодосій изображенъ съ обритой бородой (издан. Прохорова „Христіанскія древности" за 1862 годъ). Изъ древнихъ богослужебныхъ греческихъ книгъ видимъ, что по крайней мѣрѣ съ 9-го вѣка обычай брадобритія даже освящаемъ былъ церковію. Въ семъ вѣкѣ въ греческихъ требникахъ находилось особое чиноположеніе, въ которомъ церковь освящала своимъ молитвословіемъ первое остриженіе бороды у юношей, переходившихъ въ

(б) Бароній повѣствуетъ, что императоръ Іулианъ, сдѣлавшійся отступникомъ Христа, прибывъ въ Антіохію съ отрощенной бородой, былъ осмѣянъ отъ народа, который называлъ его козломъ за бороду, ибо походила на козлиную (лѣто Господне 362, листъ 296 на обор.).

возрастъ мужескій. „Господи Боже нашъ, такъ молила при семъ случаѣ церковь, отъ несущаго къ бытію вся приведшій въ показаніе твоего величія, и человѣка не только твоимъ образомъ, сущимъ въ его смыслѣ и разумѣ, свѣтло украсившій, но и власами его различными снабдившій, самъ и раба твоего, ради благообразія лица своего остригающаго браду, всѣми сущими у тебя дарами украси, и да снидетъ на главу его и браду благословеніе твое, какъ снизошло на браду и главу Аарона“ и проч. (у Гоара въ Евхологіи молитвы на брадобритіе стр. 378. См. Наказные списки соборнаго уложенія 1551 г. Ил. Бѣляева стр. 52—53). Церковь греческая, всегда вѣрная своимъ уставамъ, и въ послѣдующія времена судила объ обычаѣ брадобритія, какъ о безразличномъ. Посему, когда цареградскій патріархъ Михаилъ Керулларій, обличая начинавшую отпадать отъ древней вселенской церкви римскую церковь, поставилъ было въ укоръ ей и то, что ея епископы стригутъ бороду,— патріархъ антіохійскій Петръ, прочтя и одобривъ посланіе Михаила, замѣтилъ однако о брадобритіи: „Что же намъ за дѣло, что они брѣютъ бороду“? Такъ опасался благоразсудительный патріархъ Петръ, вопросъ объ обычаѣ безразличномъ обратить въ вопросъ о догматѣ, о чемъ-то касающемся сущности православія (см. тамъ же).

Что и въ Россіи многіе благочестивые князья брили бороды, объ этомъ свидѣтельствуютъ современные ихъ портреты. Даже самъ царь Василій Ивановичъ, родитель царя Іоанна Грознаго, предложившаго святителямъ Стоглаваго собора вопросъ о брадобритіи, по свидѣтельству исторіи, обрилъ себѣ бороду послѣ бракосочитанія своего со второй женой Еленой. „Любя свою супругу, повѣствуетъ историкъ, Василій желалъ ей нравиться не только ласковымъ обхожденіемъ съ нею, но и видомъ молодости, которая отъ него удалялась: обрилъ себѣ бороду и пекся о своей пріятной наружности“ (Истор. Карамз. ч. VII).

Итакъ, брадобритіе вошло въ обычай съ незапамятныхъ временъ и не считалось за ересь, а просто за обычай, какъ о томъ весьма ясно свидѣтельствуется и въ служебникѣ сими словами: «*паче и въ грѣхъ сего не полагаху, еже постригати брады*» (листъ 622). А посему, если брадобритіе считать за ересь догматическую, каковою почитаютъ его старообрядцы, то они напрасно обвиняютъ въ этой ереси исключительно нынѣшнюю православную церковь. Брадобритіе существовало въ православномъ народѣ съ первыхъ вѣковъ христіанства; въ Россіи появилось также весьма

рано, съ незапамятнаго времени и, несмотря на строгое запрещеніе, писанное въ Стоглавникѣ, продолжалось до царствованія царя Алексія Михайловича, о чемъ опять въ самомъ же Служебникѣ свидѣтельствуется: *И тако во благочестивомъ христіанскомъ народѣ въ великіей Руссіи сія ересь, реку брадобритіе, вкоренися и продолжися до лѣтъ по седьми тысящахъ сто пятьдесятъ четвертаго лѣта*, т.-е. до царствованія Алексѣя Михайловича (листъ 627); вкоренилось и продолжилось брадобритіе безъ сомнѣнія потому, что россіяне, какъ замѣчаетъ Служебникъ, *и въ грѣхъ сего не полагаху, еже постригати брады.* Такъ неужели весь православный народъ въ Россіи и въ другихъ государствахъ постоянно содержалъ, подъ обычаемъ брадобритія, догматическую ересь? Съ этимъ, какъ выше замѣчено, не согласятся и сами старообрядцы.

Разсмотримъ теперь свидѣтельства, на которыхъ старообрядцы думаютъ основать свое мнѣніе, будто бы брадобритіе есть ересь. Указываютъ: 1-е на Студійскаго іеромонаха Никиту Стифата, писателя XI вѣка, который яко бы говоритъ: „не писано ли есть въ законѣ: не постригайте брадъ вашихъ, се бо женамъ лѣпо, мужемъ же не подобно, создавый Богъ судилъ есть, Моусеови бо рече: простризало да не взыдетъ на брады ваша, се бо мерзско есть Господеви (Левитъ гл. 19); ибо отъ Константина царя Кавалина *(Копронима)* и еретика се узаконено есть и проч.“ (Служебн. лист. 628 Кормч. лист. 388 на обор.). Но дѣйствительно ли слова эти принадлежатъ Никитѣ Стифату? Въ Кормчей они напечатаны вслѣдъ за сочиненіемъ Никиты о *опрѣснокахъ* и какъбы въ связи съ нимъ, хотя и подъ особымъ заглавіемъ: *о постриженіи брады*, а въ Стоглавѣ (гл. 40) приводятся подъ именемъ 11-го правила Шестаго собора, иже въ Трулѣ полатномъ. Итакъ кому же эти слова принадлежатъ,— Никитѣ, Трульскому собору, или иному кому? Что они не принадлежатъ Никитѣ Стифату, въ этомъ увѣряютъ насъ свидѣтельства людей ученыхъ, которые, по справкѣ, въ подлинномъ сочиненіи Никиты о опрѣснокахъ нашли, что онъ ничего о стриженіи брады не говоритъ, и что въ наши Кормчія слова о брадобритіи заимствованы изъ другаго источника и только вписаны вслѣдъ за сочиненіемъ Стифата. Достаточно также прочитать правила шестаго вселенскаго собора, чтобы видѣть, что 11-е правило говоритъ вовсе не о стриженіи брады, а объ іудейскихъ опрѣснокахъ, и что вообще между правилами этого собора нѣтъ ни одного, въ

которомъ говорилось бы о стриженіи брады. Итакъ, слова *о постриженіи брады* не принадлежатъ ни Никитѣ Стифату, ни собору Трульскому. Кому же? Изыскатели древностей находятъ (а), что первоначальнымъ основаніемъ для сего правила послужило одно замѣчаніе такъ называемыхъ „апостольскихъ постановленій", отмѣненныхъ 6-мъ вселенскимъ соборомъ (прав. 2) за нѣчто подложное въ нихъ. Нѣсколько выраженій правила о постриженіи брады, именно первыя его слова, очевидно, составляютъ буквальный переводъ изъ замѣчанія. Но въ этомъ замѣчаніи Постановленій нѣтъ того строгаго отзыва о брадобритіи, какой находимъ въ разсматриваемомъ правилѣ. Замѣчаніе Постановленій сдѣлано было единственно по случаю разсужденій о страсти къ щегольству одеждою и вообще наружностію, съ цѣлію дать увѣщаніе объ оставленіи этой страсти, которой предаются многіе на соблазнъ другимъ. „Не людямъ ты долженъ угождать", такъ говоритсявъ семъ замѣчаніи, „чтобъ впадать въ грѣхъ, а прилѣпляться къ Господу, чтобы вести святую жизнь и достигнуть вѣчнаго успокоенія. Не украшай чрезъ мѣру красоту, данную тебѣ Богомъ и природою, но искренно старайся не превышать ею другихъ людей; не отращивай слишкомъ волосъ на главѣ твоей и лучше подстригай ихъ, чтобы, отращивая волосы и умащая ихъ благовоніями, не увлекать собою женщинъ, которыя обыкновенно симъ увлекаются. Не употребляй для обмана ихъ и изысканныхъ одеждъ, изысканной обуви, не украшай и пальцевъ золотыми перстнями, ибо все это признаки блудолюбной жизни; если обо всемъ этомъ будемъ чрезъ мѣру заботиться, то поступимъ несправедливо. И тебѣ-то особенно не приличноотращать волосы на головѣ, такъ какъ ты рабъ Божій, и собирать ихъ въ одну связку.... *да и браду не должно повреждать* и измѣнять вида человѣка противъ его природнаго вида. Ибо Законъ говоритъ: „не постризайте брадъ вашихъ". Для женщинъ сдѣлалъ это Создатель Богъ приличнымъ, а для мужей нашелъ это ненужнымъ. Ты же, если будешь это дѣлать съ тою цѣлію, чтобы понравиться, какъ противникъ закона, не угоденъ будешь предъ Богомъ, создавшимъ тебя по образу Своему. Итакъ, если желаешь угодить Богу, воздержись отъ всего, что Онъ ненавидитъ

(а) См. Наказные списки соборнаго уложенія 1851 года. Изд. Бѣляева.

и не дѣлай Ему неугоднаго“ (Постан. апост. кн. 1 гл. 3). Между тѣмъ, въ разсматриваемомъ правилѣ о *стриженіи брады,* къ словамъ, взятымъ изъ сего замѣчанія Постановленій апостольскихъ, присоединено уже замѣчаніе, что брадобритіе есть ересь, получившая начало отъ Кавалина, и въ такомъ видѣ это мѣсто изъ „апостольскихъ постановленій“ внесено въ нашу старопечатную Кормчую, вслѣдъ за сочиненіемъ, Стифата, и притомъ какъ бы его сочиненіе, а въ Стоглавѣ приведено подъ именемъ 11-го правила Трульскаго собора.

Въ правилѣ о постриженіи брады говорится: „не писано ли въ законѣ: не постригайте брадъ вашихъ, се бо женамъ лѣпо, мужемъ же неподобно“; но въ Законѣ ветхомъ нѣтъ нигдѣ такого изреченія. А вмѣсто выраженія: „постризало да не взыдетъ на брады ваша, се бо мерзко есть Господеви“, въ томъ мѣстѣ, на которое сдѣлана ссылка, читается: „не сотворите обстриженія кругомъ отъ власъ главъ вашихъ, ниже бріете брадъ вашихъ“ (Левить гл. 19. ст. 27). Но если и принять въ руководство изъ ветхозавѣтнаго обрядоваго обычая послѣднее повелѣніе, воспрещающее бріеніе брадъ: то нужно принять въ руководство и первую заповѣдь, воспрещающую остриженіе власъ, т.-е. нужно будетъ не только не брить бороды, но и волосы на головѣ не стричь. Потомъ если сохранять этотъ ветхозавѣтный обрядовый обычай, то необходимо сохранять и прочіе, помянутые въ той же главѣ и въ другихъ мѣстахъ ветхозавѣтнаго закона, напр.: „ризы изъ двухъ вещей сотканныя гнусныя не возлагать на себя“, и проч. Притомъ же и въ ветхомъ законѣ брадобритіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ дозволялось, даже предписывалось. Такъ а) каждый очистившійся отъ болѣзни прокаженія обязанъ былъ обрить волосы на головѣ, на бородѣ и по всему тѣлу, и потомъ отъ него принималось жертвоприношеніе (Левит. гл. 14, ст. 8—10); б) предъ посвященіемъ левитовъ для служенія Богу законъ повелѣвалъ: „да взыдетъ бритва на все тѣло ихъ“, въ знакъ очищенія ихъ (Чис. гл. 8, ст. 6—7); и в) Господь Богъ повелѣлъ пророку Іезекіилю, въ знакъ плачевнаго плѣненія Іерусалима, обрѣзать острымъ мечомъ волосы на головѣ и бородѣ (Іезек. гл. 5 ст. 1). Затѣмъ въ правилѣ *о постриженіи брады* говорится, будто бы Константинъ Кавалинъ, жившій въ VIII вѣкѣ, узаконилъ брить бороды; а между тѣмъ исторія свидѣтельствуетъ, что брадобритіе, какъ римскій обычай, существовало въ христіанскомъ народѣ еще въ IV вѣкѣ, и въ

исторіи не видно нигдѣ, чтобы брадобритіе узаконилъ Константинъ Кавалинъ, напротивъ того Діонъ историкъ свидѣтельствуетъ, что первый изъ римскихъ императоровъ началъ ростить себѣ бороду Адріанъ, жившій во II вѣкѣ, для закрытія безобразныхъ язвъ, на лицѣ его бывшихъ. Такимъ образомъ, приведенное въ Стоглавѣ и Кормчей правило *о постриженіи брады*, не принадлежащее ни Трульскому собору, ни восточному писателю Никитѣ Стифату, содержитъ въ себѣ явныя невѣрности, лишающія онаго всякаго достоинства.

2. Ссылаются на опредѣленіе Стоглаваго собора о брадобритіи: „Священныя правила православнымъ христіаномъ возбраняютъ не брити брадъ и усовъ не постригати. Таковая бо нѣсть православныхъ, но латынская еретическая преданія греческаго царя Константина Кавалина. И о семъ апостольская и отеческая правила вельми запрещаютъ и отрицаютъ. Правило св. Апостолъ сице глаголетъ: аще кто браду брѣетъ и преставится тако: не достоитъ надъ нимъ пѣти, ни просвиры ни свѣщи по немъ въ церковь принести, съ невѣрными да причтется, отъ еретикъ бо се навыкоша. О томъ же 11-ое правило 6-го вселен. соб. иже въ Труллѣ полатномъ (слѣдуютъ разсмотрѣнныя сейчасъ слова). И о томъ самомъ Богъ Моусеови рече, и св. Апостоли запретиша, и св. Отцы прокляша и отъ церкви таковыя отвергоша и того ради страшнаго прещенія православнымъ таковаго не подобаетъ творити“ (гл. 40) И такъ въ Стоглавѣ утверждается, будто бы священныя правила возбраняютъ бритіе брадъ; также апостольская и отеческая правила вельми запрещаютъ и отрицаютъ. Но какія именно свящ. правила, или правила апостольскія и отеческія запрещаютъ и отрицаютъ брить бороды, въ Стотлавѣ не указано, да и не было на что указать. Правда, упомянуто какое-то правило св. Апостоловъ; но прочтите вы въ Кормчей всѣ апостольскія правила и не найдете ни одного, въ которомъ говорилось бы о брадобритіи. Упоминается также 11-ое правило 6 всел. собора, но мы уже показали, что здѣсь на это правило сдѣлана не вѣрная ссылка, что въ 11-мъ правилѣ Трульскаго собора вовсе нѣтъ и рѣчи о брадобритіи. Надобно здѣсь и то принять во вниманіе, что брадобритіе, въ опредѣленіи Стоглава названное ересію, въ царскихъ вопросахъ собору ересію вовсе не называется, а только слабостію и небреженіемъ: „да по грѣхамъ слабость и небреженіе и нерадѣніе вниде въ міръ, въ нынѣшнее время нарицаеми христіане, а въ тридесять

лѣтъ и старые главы и брады брѣютъ и усы и платья и одежды иновѣрныхъ земель носятъ: почему знати христіанина"? (Стогл. гл. 5, вопросъ 25).

3. Ссылаются на Большой требникъ, гдѣ въ чинопринятіи отъ латинъ проклинается брадобритіе, какъ богоненавидимая блудолюбнаго образа прелесть душегубительныя помраченныя ереси, и проч. Такое строгое сужденіе о брадобритіи принадлежитъ собственно патріарху Филарету и объясняется особыми обстоятельствами. Филарета, ревностнаго защитника православія и отечества, побудило столь рѣзко выразиться о брадобритіи именно то, что Россію, любезное его отечество, долго терзали Поляки, отъ которыхъ и самъ онъ пострадалъ много,—поляки—яростные католики и ревностные распространители римскаго ученія. Подъ вліяніемъ того чувства отвращенія, какое внушали ему паписты, онъ ввелъ правило перекрещивать обращающихся въ православіе римскихъ католиковъ; то же чувство побудило его сдѣлать строгое распоряженіе противъ брадобритія, господствовавшаго не только у Поляковъ мірянъ, но и у польскаго и вообще всего католическаго духовенства: возставая такъ рѣшительно противъ брадобритія, какъ римскаго ученія, онъ хотѣлъ поселить въ православномъ русскомъ народѣ, не входящемъ въ изслѣдованіе богословскихъ погрѣшностей Рима, недовѣріе и отвращеніе къ католицизму, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ Полякамъ. Итакъ брадобритіе не само по себѣ вызвало осужденіе патр. Филарета, а именно какъ обычай римско-католическій, какъ внѣшняя принадлежность католика-Поляка. Притомъ же брадобритіе онъ назвалъ ересью не въ смыслѣ догматическомъ, а въ томъ, что, по его мнѣнію, оно есть обычай противный христіанской нравственности, заключающій въ себѣ блудолюбнаго образа прелесть; но въ такомъ случаѣ ересь заключается не въ одномъ брадобритіи, а и въ неприличныхъ движеніяхъ, натираніяхъ липъ и нескромныхъ взглядахъ (Бесѣд. Златоус. на посл. къ Тимоѳ прав. 8 стр. 1324). „Чимъ бо, спрашивалъ св. Златоустъ, разнствуетъ таковая, т.-е. жена, употребляющая притиранье и проч.— отъ блудницы?"(Бесѣд. на посл. къ Колос. Нрав. 10, стр. 939). А также не сказалъ ли Іисусъ Христосъ: „всякъ иже воззритъ на жену воеже вожделѣтися, уже любодѣйствова съ нею въ сердцы своемъ" (Матѳ. зач. 14). Отъ помянутыхъ прелестей не свободны и старообрядцы. Далѣе въ Требникѣ говорится, *будто посредствомъ брадобритія губятъ доброту Богомъ созданнаго образа, ею же добротою украси*

Богъ человѣка по своему образу и по подобію (листъ 600, Служебн. листъ 631). Но мнѣніе, что сотвореніе человѣка по образу Божію и по подобію состоитъ въ тѣлѣ, а не въ душѣ, ошибочно, не согласно съ ученіемъ св. отцовъ и относится даже къ ереси антропоморфитовъ (г) (человѣкообразниковъ), которой начальникъ былъ нѣкто Авдій, утверждавшій на основаніи тѣхъ многочисленныхъ мѣстъ св. писанія, гдѣ Богу приписываются человѣческія свойства и члены (д), что Богъ будто бы дѣйствительно похожъ во всемъ на человѣка,—за что этотъ Авдій со своими послѣдователями признанъ еретикомъ и анаѳемѣ преданъ (Истор. Ѳеодорита кн. 4, гл. 10). Священное писаніе и ученіе св. отцовъ, во опроверженіе помянутаго мнѣнія, утверждаютъ, что „Богъ есть духъ“ (Іоан. зач. 12.), а „духъ плоти и кости не имать“ (Лук. зач. 114), что сотвореніе человѣка по образу Божію и по подобію состоитъ не въ тѣлѣ, а въ душѣ: „зане якоже Богъ есть самовластный, сице и душа самовластна есть“ (смотр. о семъ въ Больш. Катих. листъ 156 и на оборотѣ). „Еслибы, какъ разсуждаетъ одинъ изъ православныхъ архипастырей, образъ Божій состоялъ въ бородѣ: то о женщинахъ нельзя бы было сказать, что сотворены по образу Божію; ибо онѣ обыкновенно бываютъ безъ бороды. Но слово Божіе говоритъ, что женщины сотворены по образу Божію такъже какъ и мужщины. „*И сотвори Богъ человѣка по образу Божію сотвори его, мужа и жену сотвори ихъ*“ (Быт. гл. 1. ст. 27). Еще нѣкоторые изъ мущинъ естественно раждаются безбородыми и безбородыми остаются до самой смерти. Неужели кто можетъ думать, что эти мущины созданы не по образу Божію? Кромѣ сего дѣти мужескаго пола всѣ вообще, родившись безъ бороды, остаются безбородыми лѣтъ до 16 и долѣе. Неужели кто можетъ думать, что они до того времени остаются безъ

(г) Григор. Богосл. слов 32, 34 и 37; Іоан. Дамаск. книг. 1, гл. 4, 14—17, Іоан. Злат. на Бытіе бесѣд. 8—13; Мелетій патр. Антіох. въ книгѣ Кирилловой листъ 423 на обор.; въ Большомъ Соборникѣ слов. блаж Кирилла мниха листъ 439.

(д) Какъ-то: лице (Быт. 4, 16), очи (Иса. 1, 15), уши (Псал. 16, 6), уста (Псал. 32, 6), сердце (Іерем. 3, 15), руки, мышцы и персты (Псал. 43, 3—4, Псал. 8, 4, Иса. 25, 11. 40, 11), ноги (Псал. 98, 5) и подобное (Іерем. 18, 17). Православ. догмат. богословіе преосвящ. Макарія.— Но подъ очами должно разумѣть, какъ въ Большомъ Катихизисѣ толкуется, всевѣдѣніе Божіе, подъ ушами— милосердое принятіе молитвъ, подъ руками—всемогущество и т. д.

образа Божія?“ (Истинно-древняя и истинно-правосл. христ. церковь. Спб. 1859 г. ч. II, стр. 235. 236).

4. Указываютъ на старопечатный Служебникъ (е), въ которомъ утверждается, будто бы св. Іоаннъ Златоустъ о грѣхѣ брадобритія выразился, что „не можетъ мученическая кровь загладити грѣха сего“ (листъ 627). Но здѣсь на св. Златоуста указаніе сдѣлано совершенно несправедливо. Св. Златоустъ выразился столь строго не о брадобритіи, а о грѣхѣ отдѣленія отъ св. церкви. Онъ сказалъ такъ: „*ничтоже тако раздражаетъ Бога, якоже церкви раздѣлятися,... Ниже мученическая кровь можетъ загладити грѣха сего*“ (Бесѣд. на посл. къ Ефес. нрав. II, стр. 1692).

5. Еще старообрядцы, въ защиту своего мнѣнія о брадобритіи, приводятъ житіе св. мучениковъ виленскихъ Антонія Іоанна и Евстафія, утверждая, будто бы они пострадали за бороды, и ссылаются на стихиры имъ въ служебной Минеи 14 апрѣля. Но дѣло было вотъ въ чемъ: бороды равно какъ и волосы, которые помянутые мученики носили длинными, служили только признакомъ, по которому нечестивый князь Олгердъ узналъ, что они христіане (Четья Минея 14 апрѣля). По этому, для понужденія ихъ отрещися Христа, Олгердъ требовалъ, чтобы они остригли волосы на головѣ и ~~на бородѣ~~, какъ дѣлаютъ язычники. Но мученики, рѣшившись пострадать за Христа, не допустили остричь себѣ волосы ни на головѣ, ни на бородѣ, и „тако пострадаша“, но не за браду, а за Христа. Въ стихирахъ же на ихъ память, если и упоминается, болѣе или менѣе положительно, будто бы помянутые мученики пострадали за брады,—это ничего больше не доказываетъ, какъ только то, что эти стихиры составлены подъ вліяніемъ сильнаго предубѣжденія противъ брадобритія. Вотъ почему въ стихирахъ упоминается объ одной только бородѣ, тогда какъ исторія свидѣтельствуетъ, что одновременно съ бородой хотѣли мученикамъ и на головѣ остричь волосы, также принудить ихъ въ постные дни употреблять скоромную пищу. Еще въ стихирахъ упоминается, будто бы они всѣ трое не допустили обрить

(е) Достойно вниманія, что въ Служебникѣ, напечатанномъ въ 5-е лѣто патріаршества Іосифова помѣщена статья о брадобритіи, а въ его же Служебникѣ, напечатанномъ въ 10-е лѣто патріаршества его, и разсмотрѣнномъ соборомъ святителей, таковая статья уже не напечатана вѣроятно потому, что признана безосновательной.

себѣ бороды, а между тѣмъ одинъ изъ нихъ, именно Евстафій, былъ молодъ и не имѣлъ еще бороды, какъ онъ и на иконѣ изображается; но, несмотря на это, ему составлена даже отдѣльная стихира, въ которой воспѣвается онъ, какъ пострадавшій за сохраненіе брады.

Примѣчаніе. Можетъ быть думаютъ нѣкоторые старообрядцы, что только до Никона патріарха писали пастыри церкви противъ брадобритія: такъ и это не справедливо, ибо Адріанъ, послѣдній россійскій патріархъ, писалъ, хотя также *неосновательно*, въ назиданіе своей паствы, противъ брадобритія. Онъ писалъ между прочимъ такъ: «О веліе зло! Человѣцы, созданніи по образу Божію, измѣниша доброту зданія Его и зракъ свой мужескій обругаша, уподобляющеся женамъ блудовиднымъ ради угожденія сквернаго, или, паче рещи, безсловеснымъ нѣкіимъ, яко скотомъ, или псомъ и подобнымъ имъ: тіи бо усы простерты имутъ, брадъ же не имуть. Тако человѣцы младоумніи, или паче свойственнѣе рещи безумніи измѣниша образъ мужа Богозданный, бывающе псообразни» и проч. (Истор. Устрялова).

Наконецъ въ отвѣтъ на то, не можетъ ли нарушаться чистота единовѣрія, содержащаго старые обряды, когда единовѣрческій священникъ преподаетъ благословеніе брадобрійцу, мы скажемъ только вотъ что: если признать, что въ этомъ случаѣ можетъ нарушаться чистота старообрядчества, то надобно будетъ допустить, что и прежде, какъ выше помянуто, такъ какъ брадобритіе существовало съ незапамятныхъ временъ, православіе тоже повреждалось симъ обычаемъ, что и нынѣ повреждается оно у самихъ старообрядцевъ, когда московскій Антоній или о. Петръ и другіе преподаютъ благословеніе своимъ же единовѣрнымъ старообрядцамъ съ подчищенными и подстриженными бородами и усами. А таковыхъ старообрядцевъ изъ молодаго поколѣнія въ столичныхъ городахъ находится довольно значительное число. Кромѣ сего сколько еще такихъ, которые скрываютъ свои бороды за галстукомъ! А это вѣдь явный признакъ того, что имъ бороды ихъ не нравятся, и почему же? Вѣроятно, большей части изъ нихъ потому, что бороды придаютъ имъ больше лѣтъ, тогда какъ они желали бы представляться молодыми: такъ не скрывается ли и въ этомъ блудолюбнаго образа прелесть?

Изъ всего сказаннаго глаголемые старообрядцы могутъ усмотрѣть: 1) что брадобритіе существовало въ христіанскомъ православномъ народѣ на востокѣ и на западѣ съ древнѣйшихъ временъ христіанства; 2) что оно рано явилось и въ Россіи; 3) что оно не считалось за догматиче-

скую ересь, а просто за обычай; 4) что изъ всего писаннаго противъ брадобритія одно не имѣетъ ясныхъ доказательствъ отъ Св. Писанія, другое не сообразно само по себѣ и даже не согласно съ истиной и 5) что за брадобритіе не можно считать св. церковь погрѣшающею въ догматахъ вѣры, а если за это считать ее погрѣшающею, какъ старообрядцы увержданютъ (а насъ да избавитъ Богъ и помыслить), то слѣдуетъ отнести таковую погрѣшность не къ одной только нынѣшней православной церкви, а и ко всей древней, такъ что выдетъ, будто бы св. церковь находилась и находится постоянно въ ереси. Вотъ до какихъ крайностей можно дойти при смѣшеніи догмата вѣры съ внѣшнимъ обычаемъ, или обрядомъ, т.-е. при неумѣніи различать догматъ вѣры отъ обычая, или обряда.

Библиотека ООН
Академия Наук СССР